

Виктор Гофман

В плену свободы

СПИИ

Санкт-Петербург 1996

Виктор Горман

В плену свободы

Санкт-Петербург 1996

Литературно-художественное издание

Виктор Гофман
В плену свободы

Напечатано за счет автора

Виктор Гофман

В плену свободы / Стихи. - СПб.: 1996. - 80 с.

Сборник стихотворений московского поэта Виктора Гофмана - голос любви, голос свободы, лирические размышления. Поэтическое осмысление прожитой жизни и окружающего мира.

© В. Гофман, 1996

© А. Веселов, оформление, 1996

Люблю березовую рощу,
когда сухой октябрь сквозит,
и лист летит как бы на ощупь,
но плавно в воздухе скользит
и словно росчерк предо мною
выписывает, еле зрим,
и притяженье неземное
так ласково владеет им.

Высо́ко в небе необъятном
плывут большие облака,
и есть в пути их непонятном
свободы вечная тоска.

И долго сердце протестует
и трудно выбирает дни,
а это южный ветер дует,
и к северу плывут они.

Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу, –
и вот ты, живая, журчишь, убегаешь...

Застывший, бесстрастный, как снег на вершине,
белеющий немо над звучной тобою,
когда его солнце весною коснется,
когда он услышит твой зов каменистый, –
я плачу, Арагва.

Холодным терпением иссушено сердце,
угрюмое горло мне жалость сдавила,
и годы восстали, и тянутся к жизни
былые надежды...

Окрестных селений слепые отары
послушно и сонно на склонах пасутся;
но нет мне смиренья!

И плещутся пенно бегущие волны
о круглые камни;
но нет мне восторга!

И вольные птицы парят над вершиной;
но нет мне покоя!

А время проходит, прохладой вея...
Я плачу, Арагва!

НА ЛЫЖАХ

Я уйду однообразно
и людных улиц уйду,
я натираю лыжи мазью
и в лес темнеющий скольжу.

Напрасно тусклое светило
зовет к безвольному добру -
уже пространство охватило
меня отрадой на ветру.

Мое дыхание все чаще,
все легче вдохновенный бег,
в лицо летит, как бы звучащий,
несущийся над полем снег.

И горькой радостью свободы
так упоительно дышать
и в каждом вдохе осушать
мне уготованные годы!

СУЛИКО

Что сидишь, Сулико,
И следишь за игрою постылой?
Далеко-далеко
Дуновение Грузии милой.

Сквозь назойливый дым
Несся шар твой, сомненья не зная.
Мог ли ты быть иным
И могла ли игра быть иная?

Что ж все чаще и злей,
Лишь бы день задушить тошнотворный,
Хоронясь от властей,
На троих распиваешь в уборной?

И, смотря, как юнец
Неумело насилует лузу,
Понимаешь конец,
Как и я - обветшалую музу.

Опускаться во тьму
Тянет с гибельной тайной отрадой,
Словно вызов тому,
Кто тебя искалечил наградой.

Глаз тяжелый кривишь,
Не брюзжа над судьбой быстротечной,
Лишь устало следишь
За игрой этой длинной и вечной.

Все знакомо на этой тропинке лесной,
И свернуть мне уже невозможно.
Что ж деревья так странно шумят надо мной?
Что-то сердцу тревожно.

У начала творенья не все ль решено.
Не тверда ли дорога.
Разве то, что нас ждет, не минуло давно.
Так о чем же тревога?

Слышно - сосны большие шумят в вышине
От вершины к вершине.
Или это тоскует Отец обо мне
И вздыхает о сыне?

Лес шумит, а в груди непонятная дрожь,
Бессловесная мука,
И не хочешь уже, а все дальше идешь
На волнение звука.

ГЁЛЬДЕРЛИН

Уже ноябрь, и замерзает грязь,
и травы иней чистый покрывает,
все холодней; все глуше с миром связь,
и дни неслышно убывают.

Один, другой... Тебе они, как дым.
Что прожито в уме, уже не близко в жизни.
Уже не бредишь веком золотым,
не тянешься к неведомой отчизне.

С тех пор, как он по городам прошел
прямой и твердой поступью провидца,
уже друзей не созовет Эол,
уже на воле не резвиться.

Уже не петь Овидию вослед
свободное Эрота ликование -
как нашим дням, векам возврата нет,
и гибельны напрасные старанья.

УСТЬ-НАРВА

Море,
ветер,
дюны,
ивы,
чайки хриплый голосок,
волны Финского залива
набегают на песок.

Я припомню жизнь глухую,
пожалю о живой,
и о друге затоскую
под холодной синевой.

Полечу над ширью водной
равнодушный ко всему
одиноким и свободный,
внемля богу одному.

Погляжу в оцепененье
в даль студеных, темных вод,
где, качаясь в отдаленье,
лодка бедная плывет.

ВЕЧЕР

Играет солнце гаснущим лучом
на отдыхающей тетради,
и странно, и смешно не думать ни о чем,
в окно распахнутое глядя.

Покорно так уходит жизни день,
все волновавшее забыто,
и благодатно щедрая сирень
в вечернем воздухе разлита.

Замри душа – в блаженные часы
между собой и миром нет страдания,
и слушай в дреме проповедь осы,
звучащую в застывшем мироздании.

Саше

К брату я шел через поле ночное,
вьюга округу во тьме заметала,
снег бесконечный несла предо мною
и равнодушно в лицо мне хлестала.

Долго я бредил в бревенчатом доме,
долго валялся на душевной кровати,
ветки качались в оконном проеме -
только очнулся - и вспомнил о брате.

Здесь же он рядом работает, бедный,
может, устал и навстречу мне вышел,
голос как будто еле заметный
там, за метелью, тоскуя, слышал.

В плотных сугробах во тьме утопая,
трудно дыша, но предвидя иное,
и причитая, и слезы глотая,
к брату я шел через поле ночное.

МОСТИК

Т. М.

Теплый дождь шелестел по округе,
словно шалость весеннего дня,
рядом легкая поступь подруги
иногда оживляла меня.

Мы дошли до большого оврага:
было слышно журчанье внизу,
и туманная тихая влага
чутким паром стояла в лесу.

На исходе намокшей тропинки
вниз на мостик ступени вели,
распустившейся вербы пушинки
невесомо желтели вдали.

И впервые за долгие годы,
примираясь друг с другом, слились
женский голос и шелест природы,
эта жалость земная и высь.

До ступеней последних, до глины
захотелось с тобою пройти
этот мостик непрочный и длинный,
над оврагом невидный почти.

ИГРОК

Он плутовал всю жизнь: то руку перевяжет,
то ногу волочит, то голова в бинтах,
а истинной игры и трети не покажет;
поди-ка разберись во всех его винтах!

На этот раз решил он притвориться старым,
ему не привыкать разыгрывать шута -
подолгу трет очки, ворчит перед ударом
и ковыляет час вдоль длинного борта.

Но странные дела творятся в этом мире!
Вдруг видит - одряхлев, жена лежит больна,
неряшливо в делах, не убрано в квартире,
и с внуком на руках осталась дочь одна.

Ступенек пять пройдешь - и вот уже одышка,
и слабость по утрам, и колется в боку...
Не веселит коньяк, не радует сберкнижка,
и трудно засыпать под смутную тоску.

И. А.

Все волновало: голос, и походка,
И сдержанный ее угрюмый пыл.
Конечно, дурочка, конечно, сумасбродка.
А мне-то что – ведь я ее любил!

Мне не забыть полета этих линий,
Густых волос, спускавшихся к ногам...
Недаром вновь, как ветер над пустыней,
Я несся к ней – к Азовским берегам.

Но был октябрь... Меня уже не ждали.
И с моря дуло холодно и зло.
И слушал я, как волны рокотали,
И по песку какой-то сор несло.

А все-таки она была такую
И навсегда останется такой:
Под майским ветром, под моей рукою
Немногословной, вздорной, молодой.

*...но ты мне, улица родная,
и в непогоду дорога.*

Весна на улице Заречной,
и влагой тянет от земли,
но годы жизни быстротечной
тебя далеко унесли.

Немногое, казалось, нужно:
лишь правде сердце отворить,
работать весело и дружно,
простую девушку любить.

Послушным сыном поколения
месить цемент и плавить сталь
и, дни листая без сомненья,
смотреть в осмысленную даль.

Зачем ты предал пятилетку
и за собою сжег мосты?..
Как шарик, брошенный в рулетку,
по скользким числам скачешь ты.

Где нет удачи без несчастий,
в мельканье призрачных нажив
всю жизнь от масти и до масти
сдаешь ты, шею обнажив.

В чаду привычных вечеринок
уже противно есть и пить,
где дни рождений от поминок
уже ничем не отличить.

И только в тишине озерной
над отрешенным поплавком
всей жизни смазанной, позорной
порой подкатит к горлу ком.

И над водой исповедальной,
когда на ней закат горит,
забытой песни голос дальний
печалью сердце озарит.

БАЛЛАДА

Мысли плавались, словно воск,
знгом воспалены,
и пыткой стучал монотонно в мозг
плеск соленой волны.

Меж высохших десен язык распух, –
не помолиться им,
и только измученный реял дух
над морем, страхом гоним.

Но вздрогнул кто-то и, белый как мел,
губами едва шевеля,
руку вытянул и просипел
что-то вроде «Земля».

И вот наконец она под ногой...
Еще бы воды глоток!
Но куда ни глянь – только сушь и зной,
до горизонта песок.

Они совсем немного прошли
напрасно и тяжело,
и скоро в желтой, лживой пыли
солнце их всех сожгло.

И в угасающий мозг стучал
волн бессмысленный плеск...
И пуговиц металлический блеск
ящериц привлекал.

Так мы, скитаясь в зыбях земли,
в качке душных кают,
рисует зеленый остров вдали,
душе усталой приют.

И все одно – кто прав и неправ,
за муки все и труды
мечтаем о свежей прохладе трав,
о чистой трели воды.

Мой дух, кумира не сотвори,
надежду отбрось и страх,
равно над водой и землей пари,
ты странник во всех мирах!

Подошел ко мне, хвостом виляя,
руку мне лизнул,
рядом лег и, тяжело вздыхая,
наконец уснул.

И смотрю я с нежностью глубокой
на твои черты,
на равнине снежной и широкой
только я и ты.

Будь со мной, покуда длится вьюга,
преданно дыши,
это все, что могут друг для друга
две живых души.

стану их мечтами, стану бестелесным...

Бунин

Наклонится ли дерево к пруду,
льется дождик иль птицы летят,
я как будто встречаю повсюду
твой суровый и пристальный взгляд.

Временами оставленный богом
ты всех глубже любил и нежней
эту землю в страдании строгом
в неизбежном прощании с ней.

Вот и нынче все ближе и ближе
снова вижу твой ворот прямой
в разоренной Одессе, в Париже,
на чужом побережье зимой.

Тяжело постигать провиденье
там, где темное море шумит,
и широкое недоуменье
немотой стариковской щемит.

Где уже не тревожат вопросы,
и не борется сердце с тоской,
только чьи-то далекие косы
тихо трогает ветер морской.

ПУСТЫНЯ

*...а он удалялся в пустынные места
и молился.*

От битв минувших здесь, от здесь истлевших хижин
остался ветер лишь, не знающий дорог,
немеет здесь язык и человек унижен,
зато ясней звезда и внятней сердцу бог.

Недаром, замерев и прах земной отбросив,
зажав песок в горсти, так что она кровит,
здесь Авраам внимал, здесь вопрошал Иосиф
и пел свои псалмы в изгнании Давид.

Здесь в неурочный час в предчувствии могилы,
оставив ждать у стен безумных и калек,
молитвой укреплял скудеющие силы
один среди песков – не бог, не человек.

ЛЕТО

Под стволом березовым, взгляни-ка,
Спелая мелькнула земляника,
Красной каплей в зелени у ног,
Вон еще... А если наклониться,
Станет и двоиться, и тройться, –
Собирай на тонкий стебелек.

Как резвится ветерок на воле!
Рядом с нами небольшое поле
Шевелится зеленью густой,
А кругом просторная поляна.
Как под легким ветром ты желанна!
Погоди же, лакомка, постой!

На губах растаявшие годы.
В это утро ветреной свободы
Снова с прежним пылом я влеком,
Снова вижу, сердце надрывая,
Как ты, кустик маленький срывая,
Землянику ловишь языком.

КАВКАЗ

Мужали вы там, где парят орлы,
и к жизни гибельных сражений
вас проповедь вела Кази-Муллы
и Шамиля холодный, хмурый гений.

Когда одни в сплошном кольце солдат
они обнялись у мечети,
вам не было уже пути назад,
Аллаха праведные дети.

Но вел полки имперский барабан
и заглушал мелодию намаза...
Теперь здесь честно выполняют план
по сдаче шерсти, молока и мяса.

Живет народ. Чего еще желать?
К чему тоской будить воспоминанья?
Забывшую заменит благодать
подъем широкий благосостоянья.

Но видится среди обжитых скал,
общественных столовых и ликбезов,
как Лермонтов невольный здесь скакал
и шайку вел своих головорезов.

Иль, с богом и людьми утратив связь
и мертвой скукою задеты,
чтоб села жгли и в небо кровь лилась,
хотите вы, безумные поэты?

Иль красота всего дороже вам
и не страшит жестокость полководца,
и, жизнь живую жертвуя словам,
неужто сердце вдруг не ужаснется?

В грядущий век не веря золотой
и в преданности небо убеждая,
рискуете тяжелою землей,
иное царство утверждая.

Гуляла с любимой собачкой,
читала стихи в забвении...
Дареной помадою пачкай
привычные губы свои.

Беги со скандалом из дому
в орущий оркестром кабаk;
кивая катале крутому,
прихлебывай вяло коньяк.

Ломайся в мелодии тряской,
упрямой мотай головой
и прячь за бордовой повязкой
весь в точках изгиб локтевой.

А утром ищи свою руку
в тумане чужих простыней...
Несись по порочному кругу,
не помня мелькающих дней.

С какою тяжелой досадой
беспомощный рядом стою;
шутя над собою с бравадой,
кривляйся и смейся – и падай
на темную душу мою.

Неужто напрасны усилия
и, ветром гонимы тугим,
одним – откровенье и крылья,
порок и паденье другим?

И все под пятою закона
в оковах начертанных дней,
и прав был епископ Гиппона
в немислимой мысли своей?

КОЛУМБ

Снова дразнит заря, догорая
и парят паруса на ветру,
в эти дали пустые без края
я опять поплыву поутру.

Скоро пристань с толпою народа,
как мираж, пропадет за спиной,
и призывно объятая свобода
широко распахнет предо мной.

Это вас увлекает химера,
будто там, за морями, земля, –
мне нужны только воля и вера
устремленного вдаль корабля.

Я люблю только ветер соленый,
чтоб в пути налетающий шквал
пыл суровый и неуголенный
по просторам морским развевал.

Мне б только слышать этот снег скрипящий
и вдаль идти, не помня ничего,
и с этой чистой отрешенной чащей
с отрадой строгой чувствовать родство.

Мне б только черных сучьев очертанья
встречать на склоне пасмурного дня,
когда несет все дальше бормотанье
и вечный звук, пронзающий меня.

В блаженный час земной мечты не жалко -
одену душу в добрую броню
и жизни дни, как длинную считалку,
закрыв глаза, усердно пробубню.

ПРИБОЙ

Ветер с моря,
и губы в шелковице,
и одесских акаций стручки,
и со скал замечательно ловятся
на креветки большие бычки.

Через годы угрюмые, грузные
снова вижу, как чайки летят,
как початки несут кукурузные
и «Горячая пшенка!» кричат.

Отдаленные классы начальные,
и счастливый простор голубой,
и гудки пароходные дальние,
и ликующий жизнью прибой!

Вы, как прежде, меня увлекаете,
лучезарно плеща сквозь года,
воскресая в слабеющей памяти,
чтоб исчезнуть, уже навсегда.

Ах, вам, наверное, незнакомо,
какая это благодать,
как после пленума обкома
паркú приятно наподдать.

И, развалившись в финском кресле,
бесплотный ощутить покой,
и вовсе рай короткий, если
икра и пиво под рукой.

Но и в предбаннике, потея,
порой кольнет подспудный страх,
пока еще гудит идея
на убывающих парах.

Пока грядет, как Кир на Креза,
князьям зарвавшимся грозя,
та изначальная аскеза,
самозабвения стезя.

Она тебя еще достанет
в махровых мягких простынях
и по ночам являться станет
в кожанке черной в душных снах.

Она тебя загонит в угол,
на ранний отдых обречет,
чтоб ты внучат своих баюкал
и пост в Москве не брал в расчет.

Но не затем ли реки крови
текли в карающий барак,
чтоб ты, блаженно вскинув брови,
вздыхал, распаренный как рак?

Но не затем ли путь героя
лежал меж каторжных трясин,
чтоб в бане с пивом и икрою
сидел Петров, бедняцкий сын?

МАРТ

Осталось мало дней.

И ветер за калиткой
пронзительно зовет в забытые края.
Клади, вооружась иголкой и ниткой,
на музыку мечты всю муку бытия.

Шарманку заводи своих перечислений
в попытке все связать – от свечки до светил,
так некогда творец разрозненность явлений
направил волей вдаль и замыслом пронзил.

Вновь ранняя весна разлила воздух влажный,
и оседает снег, чернея у дорог,
так остро жизни жаль, и жалок сор бумажный,
и хочется бежать куда-то за порог.

Там бор шумит, зовя и сердце надрывая...
То цокот ли копыт на стыке двух эпох?
В тревожной ли Москве морозный звон трамвая?
Иль шепот в темноте и чей-то слабый вздох?

Какой-то дальний свет трепещет занавеской,
и хвоей дышит в дом, и тянет все сильней
туда, где теплый дождь стучится в окна детской,
и слушать этот шум осталось мало дней.

ФРАНЦИСК

1

В одеянии нелепом
пронеси свою суму,
он идет объятый небом,
тихо радуясь всему.

Этот камень на дороге,
этот кустик вдалеке –
все поет ему о Боге
на нездешнем языке.

И над ним щебечут птицы,
обнимаясь с синевой,
и поют, что нет границы
между небом и землей.

2

Долго камни он таскает
для обители святой,
чистый пот с него стекает
над обтесанной плитой.

И стекаются к святому
к перекрестку трех дорог
кто из лавки, кто из дому –
все, кто в мире изнемог.

Кто его услышал слово
и земной оставил труд -
не имеющие крова
кров небесный обретут.

3

Проклятый отцом и братом
и осмеянный толпой,
он стоит перед закатом
невесомый, золотой.

О, как нежен в час закатный
среди дремлющих равнин
этот мягкий, благодатный
вечный воздух Апеннин.

Это ветра дуновенье
словно взмах издалека,
как Отца благословенья
милосердная рука.

ПРУТИК

Тане

Вновь ни о чем не прошу я,
прутик со мною в пути –
им по сугробу большую
можно черту провести,

с ветки нахмуренной ели
снежную шапку стряхнуть
или стрелою без цели
в снег у дороги воткнуть.

Если оставит забота,
если тоска улетит,
если хорошее что-то
сердце твое ощутит,

можно опять улыбнуться,
бодро и прямо шагать,
в дальние годы вернуться,
прутиком легким махать.

ЛЕСТНИЦА

Эту осень, Цетлин Моисей,
не напрасно ты так долго ждешь,
снова юный по России всей
напоследок словом побредешь.

Ты пришел сюда издалека
через пепел, через пыль и кровь,
чтобы плыли сквозь тебя века,
воскресая в сердце вновь и вновь.

Посреди заснеженной страны
на стеклянной остановке стынь,
слушай, как Вергилий у волны
льет высокомерную латынь.

Наблюдай дряхлеющий режим,
промысла приветствуй торжество,
говори: «Господь непостижим!
Что поймешь в деяниях его?»

Смутный просыпайся по утрам,
злую лямку старости тyani,
во второй неразрушимый храм
направляй отекие ступни.

Ночью долго лампу не туши,
шевели губами над столом,
пусть из тьмы мятущейся души
стройный поднимается псалом.

От юдоли зов неуголим
к легким путеводным облакам,
И пылает Иерусалим,
чтоб пройти по странам и векам.

Запоздалый близится тираж.
Сетуй на судьбу и славь Творца,
поднимаясь на шестой этаж
лестницей, которой нет конца.

СЕРГИЕВ ПОСАД

О. Дмитрию

Повсюду снег на сильном солнце тает,
и литься яркий свет благоволит,
и все течет, и каплет, и сверкает,
как будто март по всей земле разлит.

Спешат ли прихожане спозаранку,
или к обедне колокол звонит,
старушка ли несет домой буханку
и в валенках по тропке семенит,

проходят ли степенные монахи
и рясы развевают на ходу,
или на солнце у сугроба птахи
в весеннюю играют чехарду, –

отрадно знать сквозь зыбкую усталость,
что ты уже всему земному друг,
что все прошло, одна любовь осталась,
и белый снег, искрящийся вокруг.

Все уже как будто устоялось,
и в Европе пушки не палят,
только отчуждение и усталость
сердце генерала тяжелят.

В старом кабинете одиноко,
он смежает веки от тоски...
Вспоминай мятежного Марокко
желтые пески.

Скоро и тебе идти ложиться
отдыхать от дней в земле сырой,
чтоб уже навеки причаститься
братству под горой.

Пусть плывет молитва после бури
посреди застывшей тишины
там, где Франко или Ибаррури -
перед вечным светом все равны,

над землей шахтеров астурийских,
над Гренадой, кровью залитой,
над полями ужасов российских,
над твоей плитой.

Полвека пронеслось, как будто ветер дунул,
хоть долго прозябал в тени и не у дел,
он многое видал и многое придумал,
заметно приуныл, изрядно поседел.

Но если ты нальешь и если он в ударе,
расскажет, чуть кивнув, чтоб ты полней налил,
как раз с Брижит Бардо кутили в южном баре
Амашукели, он и Кант Иммануил.

В гостиной у вдовы он в сумку прячет книги
и тут же говорит ей ряд весомых слов,
он сам двадцатый век в смешении религий,
в нагроможденьи фраз и в шаткости основ.

В различных городах его взрослеют дети.
Всех юбиляров друг и зритель всех премьер,
он все свое возьмет, ликуя на банкете
«Пятнадцать лет кино Калмыцкой ССР».

Так выживали мы и сердцем коченели,
так старились легко, но знаю я один,
какая там тоска томится в тучном теле,
какой российский сон и европейский сплин.

Ведь как ты ни бодрись и совесть ни баюкай,
уж сумерки ползут и застыт твой Олимп,
и только ямб горит над мерзостью и скукой,
над бедной головой, как мученика нимб.

ЗАКАТ

Солнечный круг золотой
над горизонтом горит,
чайка над синей водой
ясно и плавно парит.

Тополя длинная тень
дремлет на клумбе густой,
это кончается день,
жаркий, ленивый, пустой.

Видел я ветер вдали,
сердце на волю рвалось,
только устал от земли,
и ничего не сбылось.

Только парящий полет,
белый полет над водой
дразнит меня и поет
мне о мечте молодой.

1

Так много дней утекло в песок,
жажды не утоля,
мы шли на запад и на восток, –
где ты, наша земля?

Нас в пенных реках несли плоты
по узким ущельям гор,
звери глядели из темноты
на наш походный костер.

Гладили волосы мы подруг,
горький дарили пыл,
но только песни протяжный звук
сердцу отраден был.

И снова плотный парус летел
с плеском в густую синь,
и снова звездный ветер свистел
в зыбких песках пустынь.

2

Мы взор обращали к иным мирам
намаявшейся душой,
с надеждой вступали мы в каждый храм,
величественный и чужой.

И пусть порой нам являлся бог
тихим, осенним днем,
скоро в привычной тоске дорог
мы забывали о нем.

Но пусть мы земли не смогли найти
и что там, в его раю,
все-таки лучшая жизнь - в пути
и лучшая смерть - в бою.

3

Светозарно утро над заливом,
в сердце дышит холодок морской,
и уже не будешь ты счастливым
у всемирной свалки городской,

где, ругаясь, грузят сельди в бочках,
где толпой заплеван тротуар,
где проходят дяди в котелочках
и считают завтрашний навар.

4

Одинокий, жесткий, некрасивый,
как любил ты все, что далеко:
седока над вспененною гривой,
очертанья южных берегов.

Но призывней жгучих Абиссиний,
глубже и загадочней, чем Нил,
необъятный этот купол синий
сердце бесприютное манил.

Потому печали привкус горький
был в ветрах пустынных и степных,
молодой, угрюмый, дальнорукый,
мой товарищ в странствиях земных.

5

Поздно. Тихо. Отойди к покою.
Тяготит неутоленный путь.
Здесь так много глины под рукою,
скуден дух, чтоб жизнь в нее вдохнуть.

Хмурый люд на улицы выходит,
мертвый враг косится на врага,
и число звериное выводит
темными порывами пурга.

Вечный отрок, что тебе приснится
под штыком усталым мужика?..
Тихо светят звездные ресницы,
и струится медленно река.

Знаю, что приеду в этот город,
если стану стариком,
с поезда сойду - и к горлу ком,
расстегну постылый ворот...
От гостиницы пойду пешком,
а потом по набережной, дальше,
ноющею памятью влеком.

Пусть с Азова ветер донесет
все, что в нем когда-то растворилось,
знаю - ничего уж не спасет,
что-то надломилось,
только пусть он все же донесет...

А к тебе, прости, не постучу.
Как со старой встречусь я с тобой?
Просто постою и помолчу,
слушая прибой.

Мы не исключенье у земли, -
понимаешь все, а тяжело;
вот и мы здесь были и прошли,
и все наше было и прошло.

Бывает вечером такое:
жарю утомленный сад
в закатном нежится покое,
и листья в забытьи висят.

Заходит солнце в небе чистом,
глядишь в открытое окно –
и тихим светом золотистым
прощально все озарено.

И смотришь с грустью настоящей
на освещенные кусты,
и жалко жизни уходящей
невозвратимой красоты.

Вы долго махали руками,
вы спорили все горячей,
но те, кто стоял за станками,
не слышали ваших речей.

Вы долго, витийствуя, грызли,
ворча, октябристскую кость,
мешая высокие мысли
и мелкую зависть и злость.

Жужжала под сводами фраза
пчелой обличения зла,
меж тем как лихая зараза
уже по задворкам ползла.

А вы все боролись друг с другом,
пытаясь Россию спасти,
покуда расхристанным вьюгам
не дали страну занести.

Не вспыхнула истина в споре,
и правда поникла в борьбе,
и плещет мне Черное море
о каждой и общей судьбе.

Различные ваши идеи
в тома диссертаций вошли,
российские ваши Вандеи
колхозным быльем поросли.

Когда она выходит из волны,
сверкая гладкой кожей загорелой,
и все движенья резвы и полны
девичьей угловатости несмелой,
нет сил на это существо смотреть!
Ей лет пятнадцать – отвернусь, пожалуй.
И стыдно мне о юности жалеть
и с нежностью тянуться запоздалой...
Я в зыбких днях покуда не погиб
и до забав сомнительных не падох.
Но сдержанный бедра ее изгиб!
Но золотой пушок между лопаток!
Хочу мотнуть постылой головой
и, все забыв, в плену свободы краткой
плескаться с ней в волне береговой,
и хохотать, и целовать украдкой!

Скучно шахтеру бродить среди пальм и акаций,
нечем ему, хоть убей, скудное утро занять –
море еще не прогрелось, и пусто на пляже,
и до сезона закрыт даже газетный киоск, –
северный ветер, неразговорчивый спутник,
сопровождает в бедной прогулке его.

Время не хочет идти...

Белые сброшены в море.

Явных и тайных врагов кости лежат в мерзлоте.
Кровью немыслимых лет флаг водружен над Берлином.
Чудо-заводы гудят, и вся перепахана степь.
Что же поделаться ему? Еще далеко до обеда.
Снова, что ли, идти кольца на доску бросать?

Долго летят и летят в воздухе красные кольца,
гулко о доску стучат, шлепаются на асфальт...
Черт бы набрал этот год! Эти законы-указы.
Винный в округе запас из магазинов изъят.

Снова понуро бредет он на оставленный берег,
долго стоит и глядит, хмуро прищурившись, вваль...
Северный ветер гуляет по пляжам безлюдным.
Однообразно плеща. Черное море шумит.

Средь вечеряющих дорожек,
когда сгустится тьма спешит,
порой в сторонке глупый ежик
в траве проворно прошуршит.

На звук живой два шага сделай,
всмотрись получше – вот и он,
трепещущий комочек серый,
застыл, притих, насторожен.

Прости мне мир, мои стенанья
и дни слепые – в этот миг
благодарю существованье
и не жалею, что возник.

Когда он в иглы брюшко прячет,
вся жизнь моя, склонясь над ним,
опять смеется, любит, плачет
над смертным всем, над всем живым.

Уже цветет сирень,
и пробует жасмин,
настанет новый день,
я буду не один.

Когда проходит дождь
и оживает сад,
такая в сердце дрожь,
как много лет назад.

А вечерами мгла
твоей руки нежней,
и память умерла
во имя новых дней.

Сухие травы Крыма,
И очертанья гор,
И вдаль необозримо
Синеющий простор.

Забыть себя и годы,
Припомнить только путь
И с радостью свободы
В пространстве утонуть!

По залам прохожу лениво...

Ходасевич

На дни, поблекшие с годами,
на полустертые черты
преображающее пламя
ты посылал мне с высоты.

И жизнь, текущая лениво,
уже бежала от оков,
с весенним мужеством разлива
смывая рухлядь с берегов.

И мир, гнетущий скукой смертной,
звал неизбывной, новизной,
лишь ты иглою милосердной
пронзал дремавший разум мой.

Будил меня нежданной встряской
и, оживляя, дух терзал,
и проводил с немой указкой
из зала в следующий зал.

ГАМЛЕТ

Зачем Горацио-мудрец
в тебе добро с надеждой сеял?
В далекий край ушел отец,
и ветер плащ его развеял.

Сомнения каменную тень
оставил он тебе в наследство;
встает туманный, зимний день,
и смута зыблет королевство.

Безумные куют мечи,
разумные уносят ноги,
а ты на башне бормочи
в забвенье странном монологи.

Среди друзей, среди врагов
броди, замкнувшись одиноко,
и верь, что повести веков –
лишь пыль на обуви пророка.

Но знаешь – есть один исход,
и жизнь прорежется судьбою,
когда убийца занесет
клинок тяжелый над тобою.

Всю жизнь смотря из-за кулис,
решишься ты на подвиг славный,
среди прочих действующих лиц
участник драмы полноправный.

Все здесь дремлет – и разум, и совесть,
все здесь в перхоти скуки седой,
и торговцы, к открытию готовясь,
поливают у лавок водой.

Но всплывет из тумана фелука,
ветер юности тронет рассвет,
и пронзит мое сердце разлука
через сотни и тысячи лет.

Тихо тунику ветер колышет,
синь такая, что больно взглянуть,
ожиданьем и радостью дышит
в благовониях легкая грудь.

Ты смотрела на волны, ты знала,
как я жду и тоскую века,
как призывно над гладью канала,
ускользая, плывут облака.

Ранним утром в летящей триере
воздух полною грудью вдохни,
золотою отвагою меряй
молодые, просторные дни!

Так у лавочки турка-урода,
утопая в курортной пыли,
все мерещится жизнь и свобода
в ионической нежной дали.

САВРАСОВ

Ты снова замкнулся и за́пил;
бредешь, позабыв обо всем,
в какой-то замызганной шляпе,
сливаясь с бесцветным дождем.

Ты бросил любимое дело;
и, чувствуя трудную дрожь,
постылое, грузное тело
в глухом отчужденье несешь.

Все суше глядят кредиторы,
косясь на твои рукава,
в сияющем нимбе позора
седая плывет голова.

И сам себе смутен и гадок,
как мукой расплющенный мир,
ты просишь последний задаток
и снова плетешься в трактир.

Сидишь ты со взглядом свинцовым,
застывший в тяжелом чаду, -
и зыбким, зелено-лиловым
качаются ели в пруду.

Ты знаешь - еще потеплеет,
и краски польются с высот,
и светлой прохладой повеет,
и свежей отрадой дохнет.

Ступай, христианин, в метели,
мычи и бреди наугад...
Они еще не прилетели,
они еще только летят.

Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной:
задышало в лицо, потянуло весной,
снова влажному ветру тревожно кружить...
Так не хочется жить и так хочется жить!

Ты не так ли стоял под священной горой,
и в ветвях изнывал зимний ветер сырой?
И у Сены холодной бессонная тень
проклинала не так ли начавшийся день?

Так под дождь городской и под шум камыша
одинокое поет на просторе душа,
и бормочет Бодлер, и вздыхает Басё,
и не знает никто, для чего это всё.

СТАРУХА

Все вижу я камень шершавый,
народ за резными дверьми,
столицу Сельджукской державы,
мечеть и гробницу Руми.

Там смутно глядит на прохожих
охапка тряпья у ворот,
и тленьем от сморщенной кожи
заране как будто несет.

Все в мире исполнило тело,
любило и мучилось в срок,
но высохло и оскудело
и пылью покрылось дорог.

Глаза опустила, зевает...
И стройный поет минарет
о том, что лишь дух воспаряет
над мутным течением лет.

Совсем умирает старуха.
И я умираю вдали,
тоскую и кашляю глухо,
скучая в последней пыли.

По белому, ровному полю
куда, я не знаю, иду...
Ты дал мне и разум, и волю,
зажег надо мною звезду.

Ты бодро мне крылья расправил
во славу грядущего дня,
пока я тебя не оставил
и ты не оставил меня.

И вот через годы раздора,
как прежде, я благодарю
за снежные эти просторы
и дальнюю эту зарю.

Не надо ни дома, ни странствий,
в полях мою душу развей,
хочу раствориться в пространстве
летающей снежинкой Твоей.

Я пишу тебе из такой тьмы,
которую не осветишь словом Завета,
и все же, послушай, здесь были мы
уже не помню в какое лето.

Когда первые лучики на балкон
просачивались, и заливались птицы,
я просыпался с твоим шепотком,
чувствуя голову на ключице.

Среди гладких, однообразных, нагретых камней
память на солнце сморщивается, выгорает,
и чем медленнее, тем больней
в человеке душа умирает.

Когда месяц над Кара-дагом высвечивает дугу,
в сердце остро тоска запускает коготь,
и я с пространством смириться никак не могу,
я хочу посмотреть на тебя, потрогать.

Ты самое лучшее, что есть у меня,
я тебя вечерами у моря ношу и баюкаю нежно;
я хочу быть с тобой до последнего дня,
до жизни иной или тьмы крошечной.

Я тебя умоляю, возьми билет,
когда желтый ветер дохнёт по озябшим скверам.
Куда понесу я пустые бутылки лет
одиноким, сутулым пенсионером?

Шуршание осени светлой
тебя заглушает, прости,
но этой тропинкой заветной
так долго хотел я пройти.

Подхватит сквозная отрада
и в небо, как лист, вознесет,
где маяться больше не надо
в одышке постылых забот,

Туда, где сливаются даты,
теряясь в прозрачной дали,
где твердо ступал я когда-то
оставив трясину земли,

Высо́ко, как Бах, по ступеням,
развев сомненье и страх,
где всё, что мы любим и ценим
легко рассыпается в прах,

Где осень в отваге свободной
страстей умирляет порыв,
где сердце в лазури холодной
купается, все позабыв.

Вначале с урками братались,
этапы знали и тюрьму,
на людных сборищах топтались,
с наганом прыгали во тьму.

Кидали бомбы, брали банки,
бросали в бой броневики;
передрались потом, как в банке
взъерошенные пауки.

Декретом упразднили бога,
намяли скептикам бока,
угомонились понемногу
под властью суперпаука.

Недавно вылезли из банки,
по теплым щелям расползлись,
уже без шума взяли банки
и снова с урками сошлись.

УТРОМ

Осторожный, худой и небритый
с голубыми пустыми глазами
ранним утром бутылки на пляже
собирает в мешок вещевой.

Здесь вольготно! Здесь теплые ночи
и не знаешь забот о ночлеге,
алычи и шелковицы вдоволь,
и на пляже бутылок пустых.

Рядом, птицы небесные, чайки
по камням ковыляют вразвалку,
собирают остатки съестного
и кричат в предрассветную рань.

Вот кого примечает всевышний,
вот кому он дарит милосердно
мир просторный, пустой и высокий,
день недолгий у райских ворот.

ПАДУЯ

Помолись за меня, старичок странноватый,
посредине собора на потертой скамье,
над обоими нами спаситель распятый,
от Адама и Евы мы в общей семье.

Посреди европейской лоснящейся скуки,
где сплела добродетель для духа силок,
над которой в изгнании заламывал руки
тот, кого я любил на распутье дорог,

Посреди бесконечной распутицы русской
под призывы и взрывы , и праведный звон,
где работают нынче с предельной нагрузкой
банки, банды и морги, ОВИР и ОМОН,

Я покорно и тупо несу свою ношу,
свой обшарпанный в толпах базарный баул,
но застыну внезапно, забуду, заброшу
и затихну, заслышав, как ты затянул.

И под куполом храма растает забота,
отдалится судьбы прояснившийся лик;
только вздох над землей, только плачущий Джотто,
только ты, шевелящий губами старик.

СОН О ЧУЖБИНЕ

Я в Алжире или я в Марокко
не пойму, но уж который год
музыка ленивая востока
по облезлым улочкам плывет.

Так, пути не зная, пес бродячий
семенит потерян и уныл,
город грозный, глиняный, горячий
мне арканом горло защебил.

Как опарыш в банке, копошится
и шумит базар за рядом ряд,
и торговцев вкрадчивые лица
нетерпеньем суетным горят.

Этот звон призывно вожделенный
друг о друга бьющихся монет
им дороже таинства Вселенной,
сердца друга, отзвучавших лет.

Мертвым жаром дышат черепицы.
Неужели здесь окончу век?
Хоть бы напоследок возвратиться
в мой холодный долгожданный снег!

Чтоб высоко сосны заскрипели,
как скрипели в юности моей,
Чтоб над сердцем закачались ели,
осыпая легкий пух с ветвей.

Над кипучей пучиной вокзала
вьется бабочки легкая речь;
и частит, и крошится кресало,
но фитиль успеваает поджечь.

Заплутав, из небесного сада
ненадолго сюда залетев,
ты усталому взгляду отрада,
и для чуткого уха напев.

Беглым пятнышком дальнего света,
над толпою порхая, мелькнешь –
бомж воздушный – как сердце поэта
приземлиться куда не поймешь.

Только, знаешь, напрасны усилия,
этот хаос никто не спасал,
опаляя бесплотные крылья,
скоро вспыхнет измученный зал.

Спи, моя соплеменница, сладко,
отдыхай на изломе времён,
где из пункта охраны порядка
обгорелый торчит телефон.

Упорхнув от жующих, снующих,
примиряющих душу со злом,
скоро в майских сияющих кущах
замелькаешь беспечным крылом.

МЕТАМОРФОЗЫ

Он проходит походкой упругой
из салона в Каретном ряду
к БМВ с аппетитной подругой,
что-то в трубку рыча на ходу.

И подруга, глаза свои сузив,
обращает к нему макияж...
Бедный мальчик в рабочем картузе
заглядевшийся на экипаж?

Там ее, укрывая крылаткой,
увозил фатоватый корнет...
Взял свое он железною хваткой
через семьдесят загнанных лет.

Он качал свои мускулы злые
год за годом , стремясь к одному,
он бросал свои взгляды косые
на составы в морозную тьму.

Стал он всем, вопреки лихолетью,
как и пелось - но только сейчас,
совершив революцию третью
без лузги утопических фраз.

Круто он по Москве проезжает,
и теперь уже парень иной
хмурым взглядом его провожает,
возвращаясь со смены домой.

Далеко, у горного селенья,
где в листве весенней деревца,
все мои печали и сомненья
оборвутся просвистом свинца.

И на тело у дороги вязкой
поглядит с рукою на стволе
бородач с исламскою повязкой,
ко всему привычный на земле.

Взгляд его неукротимо кроткий
говорит о клятве до конца,
потому что только сон короткий
этот мир в объятиях творца.

Ну, а я забыл свои обеты
в смене мертвых, машинальных дней,
гулом загазованным отпеты
помыслы заутреней моей.

Господи, не продлевай мне годы,
лишь до смерти сердце сохрани,
чтобы мог и я за вздох свободы
так же пасть достойно, как они.

И тогда ни пулями, ни ложью
никогда, я знаю, не возьмут
то село у горного подножья
с непонятым именем Бамут.

В шумном мареве душного града,
в смутной поступи слепнувших дней
не губи мою душу, не надо,
я еще сожалею о ней.

И, покуда закат за домами
задыхается пылью земной,
чуткий призрак с большими глазами
вдруг встает у меня за спиной.

Как ни мыкайся, сколько не падай,
выживая в стране без стыда,
только ранней, желанной прохладой
снова утром потянет с пруда.

И, воспрянув, как птица из клетки
устремляется грудью к звезде,
успевай лишь отбрасывать ветки,
с легким сердцем сбегая к воде?

Все, что божьим отмечено знаком,
все, что я до конца сберегу
донести бы мне взмахом за взмахом
к двум березкам на том берегу.

ВЕНЕЦИЯ

Ты думала, все снова повторится,
когда носилась прежнею девчонкой
вдоль старых стен, по мостикам горбатым,
приветствуя гондолы у перил;
в пути моем пустынном и неярком
как хорошо, что ты мне повстречалась,
как жаль, что я тебя не сохранил.

Ты думала, воскреснет на мгновенье
весенний день в поселке подмосковном,
и майских лип неукротимый запах
внезапный ветер донесет сюда,
но плит замшелых тяжесть вековая
гнетущей ношей на сердце ложится,
и гнилью пахнет темная вода.

Плыви, мой маленький, мой озорной кораблик,
затмением лет нетронутая нежность,
гордынею погубленные дни,
минуя муть заезженных каналов,
в простор морской, где, может, повторимся..
Прости меня. Господь тебя храни!

В ДОРОГЕ

1

Не увидишь привокзальный
затяжной, тяжелый дождь,
снова к школе музыкальной
в легкой шубке подойдешь.

Снова классы, снова ноты,
снова шалости детей,
и провинции длинноты
между праздничных затей.

Снова скукой Таганрога
даль знакомая в окне,
и замерзшая дорога,
по которой шла ко мне.

Встречный ветер не ревнует
никого в степи земной,
все мелькнет, и все минует,
все растает за спиной.

2

Покоряясь чьей-то воле,
хорошо дремать, устав,
если ровно в мутном поле
мчит раскованный состав.

Хорошо растаять в стуче
расходившихся колес, –
все несут куда-то звуки
в белом мареве берез.

Размываясь, пролетели
годы, дни – не разглядишь;
позабывшая о теле
ты куда, душа, летишь?

Свет утраченного рая
начинаешь различать,
и баюкает, качая,
верхней полки благодать.

И в блаженстве полусонном
жизнь легка на сквозняке,
и в окне плывет вагонном
огоньками вдалеке.

3

А наутро солнце глянет
на бегущие поля,
и в окошко юность грядет,
и опять желанна станет
в раннем инее земля.

И, летя, разбудят резко
новизною впереди
мельком ветки перелеска,
и трепещет занавеска
легкой радостью в груди.

Словно не было в помине
утомленных, пыльных лет –
только взлеты беглых линий,
только белый, бодрый иней,
только ветер,
только свет!

В затрапезном халате в пронзающий холод
растерялся в толпе невысокий таджик.
Что тебя занесло в этот суетный город,
коченеющий, смуглый старик?

Тюбетейка неловко сидит на макушке,
под заплечным мешком онемела спина.
Где твоя Исфара у прозрачной речушки,
под ветвистой тутой где твоя чайхана?

Спотыкаясь, в истоптанной обуви жалкой
по столице, посыпанной солью, бредет
и беспомощно тычет дорожною палкой
в ускользящий лед.

И бредет этот стук, разрастаясь сурово
в безысходную боль среди смут и смертей
всех по сырým просторам носимых без крова
стариков и детей.

Всех подхваченных ветром изломанных жизнью
на великом юру;
сводит скулы моей искаженной отчизне
на жестоком ветру...

Завернет он в безлюдный строительный дворик
и молитвенный коврик расстелет у ног,
по лицу проведет, бесприютен и горек,
и в последней тоске упадет на восток.

Ты уходила в долгий дождь,
и становилась меньше, меньше...
Я знал - ты больше не придешь,
быть может, лучшая из женщин.

По глади мутного стекла
бежала капля дождевая...
И годы шли. И жизнь прошла.
Полусвоя, получужая.

Я все забыл в толкучке лет,
и только дождик морозящий
и этот женский силуэт
в туманность улиц уходящий.

Все тоска с песком смешала
в скользких оползнях земли,
все, что душу возвышало,
все, что брезжило вдали.

Нависает небо грозно,
ноет ветер надо мной,
может быть, еще не поздно
компас выправить земной.

Чтоб упрямо, отрешая,
он указывал туда,
где Медведица Большая,
где Полярная звезда.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Ничем меня толстушка не прельстит,
она, обуза в длительном полете,
в постели и потеет, и пыхтит,
и тяготит обильем бременной плоти.

Но это чудо с резвой худобой,
изяществом и гибким, и игривым,
когда овал, когда изгиб любой
упруг и гладок под твоим порывом.

Когда она с полуоткрытым ртом
напряжена и все-таки воздушна,
желания раскрывшийся бутон,
твоим внезапным прихотям послушна.

Нет, только с ней, ликуя глубоко,
ты воплотишь сполна воображенье,
сплетаясь и свободно, и легко
и на ходу меня положенья.

Лишь с ней, к причалу жаждою движим,
к нему гребешь сильнее и сильнее,
пока с последним стоном затяжным
не изойдешь восторгом вместе с нею!

Теперь я понял, ты была права -
как ни трудись, ума и чувства мало -
так находить и расставлять слова,
чтоб сердце чутко замирало.

Немногим память чудная дана
гармонии дояблокова сада,
по ней одной настроена струна,
а слуха нет - и силиться не надо.

О, как блестят, волнуя, ледяные
и слабый снег, и талая вода,
вдохну весной, припомню дни иные,
пойду, пойду неведомо куда.

Какой-то луч из жизни отдаленной
пробьется и на луже задрожит,
и только ветра пыл неутоленный
в сухих ветвях над слякотью свистит.

Другая жизнь спешит своим размером
и так зовет пронзительно назад,
когда по ярким и студеным скверам
студентов стаи юные галдят.

Но небеса тоски моей бездонней,
апрельский свет любви моей нежней,
растерянность пустеющих ладоней
просторный мир не делает бедней.

Живи вдали. Уже написан Лужин.
И не казись – мне в меру тяжело.
Я лишь плыву корабликом по лужам
туда, где все случилось и прошло.

Кварталы наши проплывают мимо,
и льется с крыш безудержно, захлеб,
и все свежо, и все непоправимо,
как тяжело оседающий сугроб.

Что в этом солнцем городе залитом
уже без сил еще бродить влечет
и щуриться, тоскуя, с Гераклитом:
все на земле и тает, и течет.

ДЕВУШКЕ, ЗНАКОМОЙ ПО ТЕЛЕФОНУ
И ВСЕ ОТКЛАДЫВАЮЩЕЙ ВСТРЕЧУ

Так медлит снег, хотя пора настала,
так беркут набирает высоту,
так мчатся мимо станции составы,
тревожно громыхая на мосту.

Так дух свободный формы сторонится,
так ветер моря в сети не поймать,
так замирает белая страница
в сомненьи слово первое узнать.

Так Ганнибал, при Каннах торжествуя,
всю ночь в шатре, неведомым томим,
глядит в огонь; и на заре, тоскуя,
встает к войскам и не идет на Рим.

Так, может, сам Господь всего вначале
над бездной жаждой творческой горя,
чего-то ждал в возвышенной печали
и медлил всё – и, кажется, не зря.

СОДЕРЖАНИЕ

Люблю березовую рощу	3
Высоко в небе необъятном	3
Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу	4
На лыжах	5
Сулико	6
Все знакомо на этой тропинке лесной	7
Гёльдерлин	8
Усть-Нарва	9
Вечер	10
К брату я шел через поле ночное	11
Мостик	12
Игрок	13
Все волновало: голос, и походка	14
Весна на улице Заречной	15
Баллада	17
Подошел ко мне, хвостом виляя	19
Наклонится ли дерево к пруду	20
Пустыня	21
Лето	22
Кавказ	23
Гуляла с любимой собачкой	25
Колумб	26
Мне б только слышать этот снег скрипящий	27
Прибой	28
Ах, вам, наверное, незнакомо	29
Март	31
Франциск	32
Прутик	34
Лестница	35
Сергиев Посад	37
Все уже как будто устоялось	38
Полвека пронеслось, как будто ветер дунул	39
Закат	40
Так много дней утекло в песок	41
Знаю, что приеду в этот город	44

Бывает вечером такое	45
Вы долго махали руками	46
Когда она выходит из волны	47
Скучно шахтеру бродить среди пальм и акаций	48
Средь вечеряющих дорожек	49
Уже цветет сирень	50
Сухие травы Крыма	50
На дни, поблекшие с годами	51
Гамлет	52
Все здесь дремлет – и разум, и совесть	53
Саврасов	54
Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной	55
Старуха	56
По белому, ровному полю	57
Я пишу тебе из такой тьмы	58
Шуршание осени светлой	59
Вначале с урками братались	60
Утром	61
Падая	62
Сон о чужбине	63
Над кипучей пучиной вокзала	64
Метаморфозы	65
Далеко, у горного селенья	66
В шумном мареве душного града	67
Венеция	68
В дороге	69
В затрапезном халате в пронзающий холод	71
Лучшее, что видел в этом мире	72
Ты уходила в долгий дождь	73
Все тоска с песком смешала	74
Предпочтение	75
Теперь я понял, ты была права	76
Апрель	77
Девушке, знакомой по телефону и все откладывающей встречу	78

Виктор Гофман **В плену свободы**